

Давненько уже не встречал Григорий Назаров утро раннее в отчем краю, не любовался красотой восходов и закатов над озером родным и дальними лесами. Раньше он всегда сожалел, что нет в их местах соловьев, что не просыпался он в детстве и юности под их задушевные трели. Сколько себя помнит, просыпался он тогда под скрип калиток и ворот, под мычание проходящего по улице стада и резкий звук пастушьего кнута, да под песни свежего утреннего ветра. Вот это он знал и помнил хорошо. А соловьев довелось вдоволь послушаться потом, в других местах.

Как перекасти-поле подхватил его однажды ветер судьбы-жизни из края родимого и понес по стране огромной, необъятной. Сначала армия, потом учеба. А дальше — севера, которые затянули Григория так, что застрял Назаров в краях студеных на долгие сорок лет.

А сейчас — законная пенсия. И он, после долгих лет разлуки, вырвавшись надолго домой, снова дышит утренней прохладой и любитесь неброской красотой родной природы. Наполняет душу и сердце тем простым очарованием, которого был лишен долгие годы.

Вот он идет не спеша по тропинке узеньким переулочком к родному озеру. Вокруг все те же заборы, что были десятки лет назад. Только почернели они, покосило их время. Да, все имеет свойство стариться, дряхлеть. Таков закон жизни. Сегодня на берегу его ждет старая отцовская деревянная, но еще добротная лодка. Племянник вчера настойчиво предлагал отвезти Григория на новый котлован, взорванный несколько лет назад в болоте у озера Долгова. Там, по его рассказам, с берега неплохо ловился окунь и приличные карпики, запущенные специально для населения местными предпринимателями прошлой весной. Григорий наотрез отказался, сказав, что в следующий раз посетит это рыбное «эльдorado» непременно. Он стремился именно сюда, на это озеро. Ему хотелось уплыть на лодке на свои заветные места, побыть именно здесь наедине с собой, со своим прошлым, с памятью. Уж очень хотелось ему половить карасей. Ведь в свое время это были не караси, это были карасищи, до килограмма и более. Он хорошо помнит, как лишался с друзьями дефицитных крючков, сколько нервов стоило тогда вываживание каждого обитателя этих глубин. К рыбалке Григорий подготовился основательно. Были и черви, и различная привада. На удочках стояла серьезная германская леска, достаточно было крючков и грузил. И от предвкушения доброй рыбалки на душе у него было легко и он заспешил к озеру.

Подходя к берегу, сквозь рдеющий туман, он увидел, что здесь не первый. На берегу уже стояла, запряженная в легкую телегу, справная лошадка. Она была привязана длинной вожжиной к металлической скобе на мостике, что уходил в озеро. Вдоль мостика виднелся ряд лодок. Лошадка мирно уплетала свежескошенную траву, что лежала перед ней, и терпеливо ждала своего хозяина. Рядом курился слабенький дымок из сухих коровьих лепешек, которых было предостаточно на берегу всегда. Облегченную удобную телегу Григорий признал сразу, таких телег больше ни у кого нет, она одна. И принадлежала она заядлому рыбаку, старому солдату, пришедшему с фронта без ноги, на протезе, дяде Саше. Александру Петровичу Кулагину, а в народе по-простому Петровичу, или Сане Кулибину. Так уважительно звали все сельчане бывшего солдата за его золотые руки, прямоту и бескорыстность. И у Григория стало радостно на душе. «Жив, значит, старый солдат. Жив, табачная душа. Вот молодец!» Ведь это дядя Саша, в далеком детстве, приучал его и его друзей к рыбалке на этом озере. Учил, где и как ставить сети, фитили, да и другим тонкостям. И он очень обрадовался, что снова встретит этого замечательного человека. В рваном тумане показались деревянная лодка. Видно, что рыбак не спешил. Греб одним веслом размеренно, направляя ее на мостки. Когда лодка ткнулась в мостки между двух лодок, Григорий был уже наготове, сразу взял из лодки цепь, стал ее натягивать и пропускать через скобу. Рыбак на протезе в лодке не спешил подниматься, а пристально разглядывал человека на мостике. В лодке у старика трепыхались десятка два приличных карасей, при виде которых у Григория заволновалось сердце.

— Здравствуй, дядя Саша! — радостно поздоровался с рыбаком Назаров. — Здравствуй, Петрович дорогой! — еще более эмоционально продолжил он. — Тебе помочь?

— Погодь малость, дай отдышусь, — ответил старик и снова стал пристально осматривать неожиданного помощника. — Здравствуй, мил человек. Вижу, рад встрече. Звиняюсь, старый стал, худо вижу, не признаю. Видно, наш по обличью, а не признаю. Дак, чьих будешь-то?

— Григорий я, дядя Саша. Григорий Назаров. Ульяны Масловой внук. Ты меня еще рыбачить учил здесь сетями, — торопясь, стал объяснять разволнованный Назаров.

— Вона как! Гришка значить? Стало быть Полины заводской сын, а Ульки-солдатки внук, — тоже обрадованно произнес старик. — А тебя, милоч, тожа не признавать. Седой стал, штаны, вон, на помочах. Так-то что, не держатся? Ну да, поотрастили мамоны-то. Оно и понятно, в городах-то при жизни сладкой, да без движений, оно и растет как на доброй опаре, брюхо-то.

Старик ненадолго замолчал.

— А с помочами, дед, удобнее, — ответил, как бы оправдываясь, Григорий.

— А ну-ка, землячок, подмогни старику, — шутя скомандовал дед.

Назаров осторожно ступил в качающую лодку, помог подняться Петровичу и выйти на мостки.

— Пойди передом. Давай присядем вон на ту лодчонку перевернутую, — тихо сказал Кулагин. Григорий пошел по шатким широким мосткам, слыша, как сзади, тяжело дыша, идет, стуча протезом, старый солдат. — Ну вот, тут и посидим. Посидим-полюбезничаем, как бывалочи, — сказал старик, тяжело опустившись на лодку. — Ну что, покурим? — тихо спросил Александр Петрович. Али бросил?

— Да нет, все пытаюсь, — ответил Назаров. Он достал сигареты и предложил старому рыбаку.

— Не, милоч, у меня свое, бронебойное курево, — улыбаясь, сказал Петрович и стал крутить «козью ножку». Закурили. Некоторое время сидели молча, потом Петрович положил свою жилистую, но уже довольно сухонькую руку на колено соседа и сказал: — А я вот, Гриша, все копчу небо. А ведь нонча в ноябрьские девяносто

стукнет.— Вот видишь, хоть и безногий, а кручусь еще. Польза от меня значить обществу пока есть. Рыбкой вот живу. Опять же грибы, ягоды, да по мелочи — лужу, паяю, метелки, лопаты делаю. Да ты, знашь, и пенсия, грех обижаться, дивная. Даже поболее, чем зарплата у наших некоторых. Что скажешь, не обижат государство-то. Вот, даже внукам-правнукам помогаю, а то как,— с явной гордостью закончил старик. Опять помолчали. Вздохнув, Кулагин снова продолжил: — Да, така вот картина. А дружки-то мои, с кем деревья вон там за озером перед войной садили, с кем потом работал-бразничал, все уже поприбрались. Кто по Европам где-то лежит, а кто там, на родном погосте пригрелся. Да что говорить, и прочий народец тоже ушел на свиданку с Отцом нашим. Бабка вот твоя, однако, хорошо пожила, она много старше меня была. А вот матушка твоя, Полина, мало погостила на свете этом, рано прибралась,— и дед опять замолчал.— Ну ладно, что я однако все о себе, да о мрачном,— начал опять Петрович.— Поведай, как и что у тебя? Каким курсом сейчас идешь? Каки гавани обживашь?

Григорий не торопясь, обстоятельно, поведал старику о жизни своей на северах, о работе на буровых, о пенсии.

— Знаю, что герой! Орденами-медалями заслуженно награжден. Не посрамил землю родну. Там, вишь, пригодился. Это ладно. А все, однако, не шибко лежит у меня душа к брату вашему.— И он опять замолчал, словно собирался с мыслями и духом.— Ты, Гриня, на меня сильно только не сердчай, я правду тебе скажу, как понимает сердце мое, так и скажу. А она ведь не мед, не рубль советский, чтобы ее всем любить. Вот знаю распрекрасно, что без вашего брата нельзя жить стране. Нельзя, всем понятно. А вот не особо уважаю летунов-перелетчиков, а как же подрутому-то вас звать-величать? Ведь улетели, как только на крыло встали. По стройкам, по северам. За рублем длинным погнались, будь он неладен. Романтики им, вишь, захотелось! Туманов в краях родных не хватило. А землю-то матушку пошто бросили? Знаю, може и не вы совсем виноваты в том, что сегодня на Поповом бугре, да в Займище на полях наших, ничего, кроме бурьяна, не растет, да козы скачут. Знаю, начальники местные на разор деревню пустили. Обидно, боль гложет нестерпимо, вот и виною всех,— и старый труженик опять ненадолго замолчал.— Это я с тобой говорю так по-доброму,— снова тихо начал Петрович.— А потому, что уважаю роду вашу! И деда твоего, Анатолия Петровича, что тоже старше меня был, и дядьку Василия, что не вернулся, и гармониста Михаила, годка моего, что возвратился израненным. В одном эшелоне в сорок третьем добирались мы под Смоленск. Ох и жарко там было. Много кровушки пролилось, но дали мы тогда осенью там супостату. Только я вот из наших оттуда и вернулся. Мишаня-то в другом месте выкуривал вражину. А ребятки-то наши сибирски, там и остались. Вот герои были. Не попятились, не побежали. Ведь пересилили мы тогда фашиста, вперед пошли, хорошо пошли, твердо!

И дед опять ненадолго замолчал. Стал трясущимися руками скручивать сигарку. Закурив, он еще какое-то время молчал, потом снова заговорил:

— Бабку вот твою помню и уважаю. В войну жилы вытянула и до послета работала. Матушку твою уважаю и помню за то, что как с восьми лет в войну стала работать, и тоже до конца отстояла вахту свою. Мишку вот еще нашего уважаю, Михаила Васильевича Костина, что председателем теперь, али глава фермерский, разбери попробуй должности нонешни. Не дал ведь мужик пропасть совсем хозяйству доброму и деревне. Не допустил погибели окончательной. Скотинку вот сохранил, площадь опять же посевные. Пусть не все, но сохранил. Колгатится ведь народ-то: сеет, пашет... молоко, мясо опять же производит. А живет земля и хозяйство — смотри и все живет. Вон, детишки рождаются, школа робит. Смех на деревне, вечерами парочки гуляют. А песни, Гришаня, каки песни поют! Душевно, забористо, как и раньше. Живет значить деревня, живет! Во как! Да, вот его уважаю, Васильевича. Команду его

уважаю, что не разбежалась. Не потянулась караваном в края дальние. Впряглись и тянут вместе ляжку. Тяжело им, но тянут. Страну, народ кормят своим, натуральным продуктом,— Петрович зашелся в кашле, а откашлявшись, стал тихо продолжать дальше: — А вот возьми, что вокруг творится. Ведь у соседей-то, что Мамай прошел. На полях-то уже добрый подлесок надурил, народ грибы собирает. А по селам-то чисто ураган-смерча по пьяне прогулялся. Дома глазами пустыми на мир жалосливо смотрят. Ни трактора тебе, ни машины не гудят, не бегают как прежде, смеха детского не слышно. Да разве мыслимо тако дело! А народ пьет, да вымирает! А главное-то, милоч, ни души, ни совести у многих не стало. Воруют, и частно, и государево, и фермерско... Разве это порядок? Когда тако было? Вот меня все внук старший убеждает, что, мол, на правильны рельсы страна встала. Программы такие, по энтим программам и движемся к светлому будущему. Говорит, опять же, отсталый я. И еще слово како-то не наше. А, вот, что я рудимент. А они вскоре жить будут по-новому. А тут как посмотреть, милоч, ведь мы тоже не вчерась родились, кое-что кумекам. Вот он говорит, программа была специальна. Погодь, вспомню, запамятовал. А, при-ва-ти-за-ция. Во как! И не выговоришь на трезву-то голову. Точно, обнаковенно, едрена вошь, прихватизация! Это ведь Чубайсы-Гайдары, вампиры народны, под себя и дружков своих специально все придумали. Программы-то эти шибко хитро-мудры. А народ-то считает, что это гольно воровство. А то как? Тут ведь хоть как крути, чисто воровство, только дюже хитрое, словами замаслено, понимаешь. И не спорь со мной, не возражай, милоч! Дальше смотри. Что раньше начальник какой не воровал? Было дело и вокругом. Дак это мелочи были, по сравнению с таперишним-то. Ну, машинешку каку, квартиру там втихаря получит, ну ковришку али стенку импортну без очереди умыкнет. И все! И то, брат ты мой, пужались: а ну как народ разузнает! И стыдились, поди, совесть кака-то была. А ты, Гриша, не лыбся, наши тогда меру знали, да и укорот все одно был. Опять же — партия. Пуще отца родного боялись. Это сейчас все на коммунистов валят. Понадоставали откуда-то дерьма всякого, и льют, кому не лень. А тогда как говорили: совесть, и что там еще, тоже запамятовал? А, вот, совесть и честь, однако. Как у солдата! И не просто писали лозунги всяки, а все одно сполняли заповеди свои, словно Христовы! И правильно было! А таперь что получается? Вот, смотри, заводы, рудники, промыслы разны, фабрики опять же, даже леса-угодя добры, все к рукам прибрали. И, говорят, законно! Хозяева, говорят, мы. Наше это все таперича. А откель хозяева-то эти взялись? Ведь вроде с семнадцатого года народно, все общее было. Не стало хозяев-то. Горбом все это наживали, народ жилы вытянул, а ведь построил, поднял отчизну-то. В космос прямо поднял! А таперь говорят: все по закону! Да что это за закон такой народно-то добро по карманам распахали. А то ведь и еще хуже — басурманам продали. Опять же спрашиваю: что это за закон такой, во дворцах-палатах двоєм-троем проживать, с бассейнами и прочее. А для старушки, у которой сыновья полегли на войне, хаты приличной с нужником теплым сыскать власти не в силах?! Я, конечно, Гриня, не тебя виню. Вы что, так шестеренки-винтики, мелочевка. Все на побегушках у богатеев-алигархов таперь. Понимаю — жить надо! Но ведь вы допустили их к власти, вы смолчали, когда они отцовы-дедовы завоевания потащили по карманам. Что, не ведали, не понимали, чем все кончится? А ведь смышленные все, грамотные. Образование бесплатно народ всем дал. Куда смотрели? Сами-то чего хотели? Воздуха свободы захотели? Как там сейчас пишут — задыхаться стали от режима. От какого режима? От народного-то? А вот я тебя спрошу, а сейчас что? Дерьмократия! Вот что сейчас. Все заболтали, везде говоруны! Шпарят как по-писаному. Что шаманы твои по ящику чешут, заслушаешься. Думаешь, вот как хорошо, вот как ладно, ну прямо коммунизм пришел. А как в магазин пойдешь — жизнь моя копеечка! А далее-то как жить, милоч? Почему на торгашей этих нету в государстве укороту? Почему цены задирают под самое-самое, как иная бабенка пьяная юбку свою? Тогда опять спрошу, кому коммунизм насту-

пил? Хоть бы к народу прислушались! Вот раньше, завсегда секретарь райкома, другие чины районны, а то и обласные приезжали, с народом толковали. Все обстоятельно говорили, что почем и куда движемся в сей момент. Про линию рассказывали. И мы ее видели, линию-то. А сейчас кого видим? Только как машины круты в охотугодья туда-сюда шастают, глаза мазолят, да народ лишний раз зудят.

И дед замолчал, на этот раз его молчание длилось дольше и висело тягостной тишиной.

— Ладно, Гришаня, заговорил я тебя, болтал, что твой оратор. И так наговорил на всю катушку. А поверь, болит душа. Знашь, как выговорится хочется. Давно вот ни с кем про это не говорил. Что-то стал держать все в себе на старости, а с тобой можно, ты свой, работяга. А в себе, милоч, ничего нельзя держать,— сгоришь сразу, обнаковенно сгоришь, не сдюжит мотор-то! Вот возьми, для примеру, бабу. Ведь поорет, поплачет, смотришь, опять человек, опять ласковая, улыбается. Али вот в церкву, зачем ране ходили? Правильно — выговориться, чтоб душе легче стало. Так-то вот.— И дед опять вздохнул.— А ты на критику не обижайся. Знамо, от вас много сейчас не зависит, шестеренки вы, лекторат одним словом. А вот обидно, поколению нашему до слез обидно. Не то что-то вершится на местах, не то. Неужли он там не видит,— и старик многозначительно показал пальцем вверх.— Все, Гриша, на этом политбеседы и рассуждения закончим. Подсобирываться, однако, надо, а то домашние потеряют. Я с внучкой старшей теперь живу, как женка-то померла. Ты, мил человек, подмогни мне. Я пока с лошаденкой-то управляюсь, ты вон в корзину-то плетену, что я под грибы брал, рыбку-то собери, да на телегу пристрой. Себе, паря, откинь пяток, что похруще, на уху-жареху. Вдруг не подфартит с клевом-то,— и старик надолго замолчал, стал заниматься лошадью.

Григорий собрал всех карасей в объемную корзину и понес к телеге. Получился довольно увесистый улов. Себе Назаров взял в полотняную сумку четырех довольно приличных карасей, чтобы не обидеть старика. Как-никак уважил, и видно, это ему приятно. Дед закончил свою работу, все осмотрел и остался доволен. Тяжело ступая по песку, подошел к Григорию.

— Ну что, земляк, дорогой ты мой! Прощеваться будем. Спасибо тебе, что терпения набрался, отнесся с уважением к словам старика. Ты загляни ко мне в гости-то, посидим, повспоминам. О твоих расскажу в подробностях, что еще помню. Надо вам и деткам вашим знать все о корнях своих. Может где и сгодятся воспоминания-то мои. Заходи, Гриша, заходи. Больше вряд ли свидимся. Пора мне уже к товарищам-сверстникам подаваться, да и бабка зажалась поди. Все, Гриша, все, поехал я,— то-ропливо заговорил старик.

Но Григорию показалось, что старик чего-то еще ждал, какого-то последнего штриха. Он подошел и крепко обнял Кулагина и взволнованно сказал:

— Живи, солдат! Долго живи! И спасибо тебе за все. За правду твою спасибо, за то, что сделал в жизни, спасибо!

И Назаров увидел, как старик часто заморгал, у него стали увлажняться глаза и появились скупые мужские слезинки. Дед махнул рукой и торопливо тронул лошадь вожжами. Григорий еще некоторое время смотрел вслед удаляющейся телеге, потом присел на прежнее место и закурил. Он думал о том, что только что услышал из уст старого, прожившего долгую и непростую жизнь человека. Не было, конечно, для Назарова это каким-то откровением, думал об этом и Григорий, и с друзьями-товарищами не раз говорили. А вот сейчас, здесь, у утреннего родного озера, все это как-то аккумулярировалось, ярко высветилось в простых словах и мыслях деда. И Назаров мысленно сейчас согласился со стариком, его рассуждениями и доводами. И Григорий окончательно утвердился в мысли:

— Да, ты прав, солдат! Что-то еще не так. Слабые еще есть звенья, гнилые, в цепи дела нашего общего, важного.